

ТУЧА И СТРИЖ

Когда это было? Не помню, когда...
Но помню: речная сверкала вода,
Синела небесная, звонкая высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись.
Запомнилось поле, дорога-большак...
Когда это было? Не вспомню никак.
Но я вспоминаю родные места,
Где вёртких уклеек ловил я с моста,
Где слушал я диких гусей переклик,
Глядел в осветлённый землёю сошник.
Мне помнится дух избяного жилья...
Ушедшая жизнь — неужели моя?!

Куда он пропал, её трепетный свет?
Когда это было? Давно или нет?
О, жизнь, я к такому пришёл рубежу,
В ушедшие годы прощально гляжу
И словно бы вижу прозрачную высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись...

КРУЖЕНИЕ ЯСТРЕБА

Дмитрию Мизгулину

Уже тропинки стали суше
В пролесках, в поле и в бору...
Всё выше, выше ястреб кружит,
Буравя в облаке дыру.
А сквозь неё сквозит, блистая,
Полоской узкой солнца луч,
Краями красными взрезая
Живой подзор летучих туч.
Они ещё не дождевые,
Они почти, как облака.
Верхи их бледно-голубые,
Багровы круглые бока.
Они ещё совсем не грозны,
Грома в них глухо не ворчат.
Они хладят прогретый воздух
И землю тенями чернят.
Когда же тучка чуть качнётся,
Рассыпав капли, как горох,
То в каждой капле отзовётся
Сырой земли глубокий вздох.
Но этот вздох не от печалей,
Что землю влажную томят,
А от того, что блёкнут дали,
Озёра меркнут и рябят.
Темней, прохладней стали ночи,
И, ёжась, зябнут зеленя.
И жизнь становится короче
У наступающего дня.
От этой мысли нет покоя,
И потому ей дорожу...
Любя всё бренное, мирское,
Я с обострённою тоскою
За хищным ястребом слежу.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Цвели в овражках медуницы,
Клубился рой зелёных мух.
И шорох вызревшей пшеницы
Улавливал мой детский слух.
Я убегал по тропке в поле.
И там, в полуденной тиши,
Я обретал не только волю,
Но и бесстрашие души.
И с той минуты заморочил
Я сам себя (Господь, прости!),
Что я могу люблюю ночью

Один на кладбище пойти.
Нет, местной славы я не жаждал!
Но лишь полночный ветер стих —
Я, расхрабрясь, побрёл однажды
К могилам предков дорогих.
И, положась на милость Бога,
В душе с молитвою простой,
Я шёл не торною дорогой —
Волками меченой тропой.
Ночь пахла запахом бузинным,
Чернели призрачно кресты...
Репы цеплялись за штанины,
Сигали ящерки в кусты.
Как цепенел я в час полночный!
Ни звёзд на небе, ни луны.
Мерцал лишь слабенький цветочек
Полузавядшей белены.
И вдруг я вздрогнул... И обратно
Хотел домой рвануть трусцой,
Но что за сила — непонятно
В сей зябкий час владела мной?!

Я ощущал, как руки стынут,
Скользит по телу холодок.
Казалось: кто-то дышит в спину,
Вздыхает... Вздох его глубок.
Я замер. Вздрогнул. Обернулся.
Гляжу... Но — нету никого.
Лишь тени чьей-то клок метнулся...
Молчать мне было каково?
Хотелось крикнуть: “Призрак, скройся!
Ты кто: нормальный или псих?
А коль не псих — тогда открайся!”
...Шептала ночь мне: “Успокойся...
Ты мёртвых, Геночка, не бойся,
Всё зло исходит от живых...”

ОДИНОЧЕСТВО

Живу один в бревенчатом дому...
Да, я бобыль! Бобылья жизнь — прекрасна!
Влачу постылую житейскую суму,
С утра загружен бытом безобразным.
Но я не жалуюсь! Мне даже по душе
Моё уединенье холостое...
Варю картошку в жестянном ковше,
В бутылках — винишко золотое.
Винишко терпкое, зови к себе, мани!
Ты — яблочное, крепости отменной!
Ах, Боженька, за пьянство не вини,
Когда-нибудь отвыкну постепенно,
Как я отвык от женских ласк твоих,
От поцелуев — пылких и поспешных...
И даже от любви, дарённой на двоих,
Что единила нас — восторженных и греховых.
Где и когда произошёл разлом?
Мы треснули, как две прозрачных льдинки...
Спасай меня, родительский мой дом, —
Жизнь раскололась на две половинки.
Кто виноват? Ужели — я? Винюсь!

Судьба темна, как вырытая яма...
Не ждите! Я над ней — не наклонюсь!
...К избе родной всем сердушком прижмусь —
Так сердцем прижималась ко мне мама!

АВГУСТ

Стало прозрачным озёрное дно
От августовского света...
Сколько тревоги затаено
В шорохе вязовых веток!
Клонятся низко к озёрной волне,
Тронутой тинистой цвилью*.
Сушит стрекозка на валуне
Полупрозрачные крылья.
В небе дневном не кружит высоко,
Знать, не хватает силёнок.
И вылетает из-под облаков
Хитрый и злой ястребёнок.
Воздух под крыльями зыбко дрожит,
Тонко свистит, по-синичьи.
А у ржаной, пожелтевшей межи
Кречет кузнечиков кличет.
Веет овсяница тёплой пыльцой,
Резки ветров разговоры,
Знойный сухмень обжигает лицо...
...Замер я, как перед строгим отцом,
Перед рязанским простором.

* Цвиль — зеленоватая плёнка зацветшой воды.